

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки /специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Вменяемость как признак субъекта преступления»

Обучающийся

А.А. Ерёмченко

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования. Существующее нормативно-правовое регулирование вменяемости, которая наравне с возрастом является обязательным признаком субъекта преступления, не раскрывается в уголовном законе в должной мере. Более того, законодатель в отдельной статье закрепил критерии невменяемости, понятие, противоположное вменяемости. Такая позиция законодателя вызывает справедливые возражения, некоторые из которых следует обозначить.

Объект исследования – уголовно-правовые отношения, возникающие при квалификации действий лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации.

Предмет исследования - уголовно-правовые нормы, научные труды, материалы судебной практики, позволяющие раскрыть вменяемость как признак субъекта преступления.

Цель исследования – разработка теоретико-правового представления о вменяемости как признака субъекта преступления, выявление проблемных аспектов при ее установлении в правоприменительной практике и предложение путей их решения.

Задачи исследования: рассмотрение места вменяемости в системе признаков субъекта преступления; определение понятия вменяемости и анализ ее критериев; исследование уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость; выявление особенностей уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения; анализ проблем уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии аффекта.

Структура: введение, две главы, пять параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Научно-правовой анализ вменяемости как признака субъекта преступления	8
1.1 Место вменяемости в системе признаков субъекта преступления..	8
1.2 Понятие вменяемости и ее критерии	16
Глава 2 Некоторые дискуссионные вопросы при установлении вменяемости в правоприменительной практике	26
2.1 Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость	26
2.2 Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения	36
2.3 Проблемы уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии аффекта.....	44
Заключение	57
Список используемой литературы и используемых источников.....	61

Введение

Актуальность исследования.

Любое преступление совершается человеком. Однако не каждый человек, совершивший общественно опасное деяние, может быть признан субъектом преступления. Субъект преступления, является одним из четырех элементов состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), отсутствие которого не позволяет говорить о событии преступления.

По сей день продолжают оставаться дискуссионными отдельные вопросы относительно общих признаков субъекта преступления. Предметом научно-правовых споров является возраст уголовной ответственности, его верхние и нижние границы. Существующее нормативно-правовое регулирование вменяемости, которая наравне с возрастом является обязательным признаком субъекта преступления, не раскрывается в уголовном законе в должной мере. Более того, законодатель в отдельной статье закрепил критерии невменяемости, понятие, противоположное вменяемости. Такая позиция законодателя вызывает справедливые возражения, некоторые из которых следует обозначить.

Во-первых, несмотря на установленные законодателем критерии невменяемости, предметом научно-правовых споров продолжает оставаться взаимосвязь вменяемости и невменяемости. Одним из способов разрешения данных вопросов предлагается закрепление легальных определений вменяемости и невменяемости, отсутствие которых в настоящее время приводит к существованию различных подходов при толковании уголовного закона.

Во-вторых, продолжает оставаться дискуссионной проблема вменяемости лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость. В доктрине уголовного права обсуждается вопрос о включении в уголовный закон категории «ограниченная вменяемость». В практике

квалификации при установлении субъекта преступления возникают вопросы о сущности биологического критерия вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости, его соотношение с юридическим критерием, а также разграничение названных состояний психики. Все эти вопросы должны решаться с учетом научных достижений медицины и психиатрии, которые зачастую остаются за пределами внимания уголовно-правовой доктрины.

В-третьих, несмотря на снижение преступлений, совершенных в состоянии опьянения (в 2022 году в состоянии опьянения было совершено 227897 преступлений [93], в 2024 году – 157303 преступления [94]), проблема уголовной ответственности таких лиц не теряет своей актуальности. В частности, современные достижения ряда медицинских наук в области психиатрии, патопсихологии, наркологии, а также судебно-экспертная практика ставят под сомнение законодательную конструкцию о презумпции вменяемости таких лиц. Без должного учета остаются вопросы влияния состояния опьянения на делинквентное поведение, многовариантность влияния психоактивных веществ на волевые и интеллектуальные способности лица, совершившего общественно опасное деяние.

В-четвертых, достаточно много ошибок на практике возникает при установлении факта нахождения лица в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии аффекта в связи с нечетким представлением практических работников о субъективной стороне и обстоятельствах возникновения данного состояния. Более того, на практике суды не всегда при квалификации деяния учитывают результаты судебно-психологической экспертизы.

Таким образом, институт вменяемости в уголовном праве является сложной и многоаспектной проблемой. Несмотря на активно проявляемый научной общественностью интерес к проблеме вменяемости субъекта преступления, данная проблема продолжает оставаться одной из дискуссионных в теории уголовного права и порождает теоретические и

практические проблемы, что и обуславливает актуальность выбранной темы для исследования.

Объект исследования – уголовно-правовые отношения, возникающие при квалификации действий лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации.

Предмет исследования - уголовно-правовые нормы, научные труды, материалы судебной практики, позволяющие раскрыть вменяемость как признак субъекта преступления.

Цель исследования – разработка теоретико-правового представления о вменяемости как признака субъекта преступления, выявление проблемных аспектов при ее установлении в правоприменительной практике и предложение путей их решения.

Задачи исследования:

- рассмотреть место вменяемости в системе признаков субъекта преступления;
- определить понятие вменяемости и проанализировать ее критерии;
- исследовать уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость;
- выявить особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения;
- проанализировать проблемы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии аффекта.

Нормативная база исследования: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы уголовной правосубъектности лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии вменяемости.

Методологическая основа представлена общенаучными системными (системный, исторический, логический) и специально-юридическими (историко-правовой, формально-юридический, методы анализа, синтеза) методами познания вменяемости как признака субъекта преступления.

Теоретическая база исследования представлена трудами следующих ученых: Е.Ю. Антоновой, Ю.М. Антонян, Р.В. Беличенко, В.В. Вандыш-Бубко, В.В. Васильева, Ю.А. Власова, Л.Д. Гаухман, К.А. Долгополова, А.А. Житкова, А.К.В. Курсаева, А.С. Липатовой, М.А. Любавиной, Г.В. Назаренко, В.Г. Павлова, С.В. Полубинской, А.В. Серебренниковой, О.Д. Ситковской, Б.А. Спасенникова, А.В. Яшина и другие.

Структура выпускной квалификационной работы: введение, две главы, пять параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников. Во введении определены объект, предмет исследования, поставлена цель и установлены задачи ее достижения. В первой главе проводится научно-правовой анализ вменяемости, определяется ее место в системе признаков субъекта преступления, раскрываются критерии вменяемости. Во второй главе раскрываются некоторые дискуссионные вопросы вменяемости. В заключительной части сделаны выводы. Использованные в работе источники, на основании которых проведено научно-правовое исследование, перечислены в списке используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Научно-правовой анализ вменяемости как признака субъекта преступления

1.1 Место вменяемости в системе признаков субъекта преступления

Рассмотрение вопроса о месте вменяемости в системе признаков субъекта преступления, необходимо начать непосредственно с категории «субъект преступления». При этом, в философии субъект определяется как человек, познающий и действующий, противостоящий внешнему миру, как объекту познания. В логике субъект признается предметом суждения. В словарном значении, субъект – это носитель каких-нибудь свойств [53, с. 546]. В правовом аспекте субъект – это лицо, обладающее такими свойствами, как дееспособность и правоспособность. Признается, что субъектом правоотношения может быть только человек, а государство и юридические лица, вступающие в правовые отношения как самостоятельные субъекты, представляют не что иное, как правовые фикции, оформляющие коллективную форму деятельности людей [120, с. 305-306]. В целом, категория «субъект» является центральной для понимания человеческой природы, деятельности и ответственности.

Непосредственно «субъект преступления» - это уголовно-правовой термин, являющийся видом такой более широкой категории, как «субъект правоотношения», под которым понимают участника конкретного общественного отношения, урегулированного правом [120, с. 305].

В научно-теоретическом аспекте субъект преступления признается самостоятельным учением уголовного права. В.Г. Павлов, в рамках своей докторской диссертации, осуществляя комплексный анализ субъекта преступления, обращает внимание на нетождественность субъекта преступления и личности преступника, первое из которых является уголовно-правовой категорией, а второе криминологической [60]. Соглашаясь с тем, что «субъект преступления», с одной стороны, это уголовно-правовой термин, а с

другой - вид такой более широкой категории, как «субъект правоотношения», он должен обладать уголовной дееспособностью и правоспособностью [1, с. 7].

Субъект преступления является обязательным элементом состава преступления, представляющего собой «совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих по уголовному закону общественно опасное деяние в качестве преступления» [15, с. 32].

О субъекте преступления можно говорить только при установлении совокупности всех его признаков.

В доктрине уголовного права существуют следующие определения субъекта преступления:

- «лицо, совершившее общественно опасное, запрещенное уголовным законом деяние и способное нести уголовную ответственность» [105, с. 172];
- «лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им умышленно или неосторожно общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом» [108, с. 137];
- «лицо, совершившее общественно опасное деяние (преступление) и обладающее указанными в законе признаками» [1, с. 8];
- «человек, совершивший умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, если он достиг установленного возраста, вменяем, а в отдельных случаях обладает некоторыми специальными признаками, указанными в соответствующей норме» [107, с. 136];
- «элемент состава преступления, объединяющий признаки, характеризующие лицо, совершившее преступное посягательство» [103, с. 80];
- «физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом, виновное в совершении общественно опасного

деяния, предусмотренного этим законом в качестве преступления» [15, с. 120];

- «вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста, установленного уголовным законом» [104, с. 264];
- «физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, установленного уголовным законом, совершившее преступление, а в отдельно предусмотренных случаях обладающее специальными признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» [8, с. 18-19].

Как можно заметить, ученые формулируют понятие субъекта преступления посредством перечисления его признаков. При этом, некоторые ученые в числе признаков субъекта преступления называют признаки других элементов состава преступления, характеризующие объективные и субъективные элементы.

Обращает на себя внимание последнее определение субъекта преступления, сформулированного А.А. Арзуманяном, в котором автор отразил не только признаки общего субъекта преступления, но и указал на случаи специальных признаков, установленных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [111].

Однако исследование признаков специальных субъектов не входит в рамки настоящего исследования, ограниченного вменяемостью, являющейся признаком общего субъекта уголовной ответственности из числа указанных в ст. 19 УК РФ и которыми также должен обладать и специальный субъект. Итак, общий субъект преступления характеризуется следующими признаками.

Во-первых, субъектом преступления может быть только физическое лицо. К определению понятия физического лица существуют два подхода:

- физическое лицо – признак, отражающий способность человека иметь права и обязанности;

- физическое лицо – свойство человека, позволяющее его признать субъектом права [119, с. 19].

Е.Ю. Антонова выделяет три составляющие физического лица [1, с. 10]:

- индивид, то есть человек как биологическое существо. В биологическом контексте индивид – это отдельный живой организм, характеризующийся определенным генетическим кодом, физиологическими процессами и жизненным циклом. Биологическая уникальность индивида определяется комбинацией генетических факторов, полученных от родителей, а также влиянием окружающей среды, в которой он развивается. Физическое здоровье, предрасположенность к определенным заболеваниям, особенности телосложения и темперамента – все это является результатом сложного взаимодействия наследственности и внешней среды;
- личность – индивид, обладающий совокупностью социальных свойств, проявляющиеся в его поведении, мышлении и чувствах;
- гражданин – человек, находящийся в правовой связи с определенным государством. Так, гражданином Российской Федерации является лицо, имеющее гражданство РФ, иностранным гражданином – лицо, имеющее гражданство иностранного государства, лицо без гражданства – лицо, не имеющее гражданства (ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [118]).

Из приведенных признаков физическое лицо можно определить, как человека, обладающего совокупностью социальных свойств и находящийся или не находящийся в правовой связи с определенным государством.

Отечественный законодатель в отличие от зарубежного субъектом уголовной ответственности признает только физических лиц. Несмотря на актуализируемую в последнее время проблему признания субъектом преступления юридического лица [11]; [17], данная позиция пока не находит отражения в нормах уголовного закона. Следует отметить, что юридические лица могут быть привлечены к административной ответственности за деяния,

связанные с нарушениями, совершенными, в том числе, и физическими лицами, действующими в их интересах.

При решении вопроса об участии физического лица в правоотношениях, законодатель учитывает его биологическую природу посредством установления возрастного ценза. В связи с чем, во-вторых, субъектом преступления может быть физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

В п. 4.1. Пекинских правил 1985 года [44] относительно возраста уголовной ответственности сказано, что «нижний предел такого возраста не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной интеллектуальной зрелости». Отечественный законодатель установил общий возраст уголовной ответственности - 16 лет, из которого имеются исключения:

- за преступления, предусмотренные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность наступает с 14 лет;
- не являются субъектами преступления лица, не достигшие 18 лет к моменту совершения преступлений, предусмотренных статьями 134, 135, 156, 151, 151.1, 151.2, 157, 240.1, 242.1, 242.2 УК РФ.

Анализ преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, за которые установлен пониженный возраст уголовной ответственности, позволяет выделить ряд их общих признаков:

- общественная опасность очевидна, значимость и ценность охраняемого объекта понятна несовершеннолетнему;
- тяжкие и особо тяжкие преступления и некоторые преступления небольшой тяжести;
- умышленные преступления;
- преступления, которые наиболее распространены среди несовершеннолетних [1, с. 24-26].

Исходя из приведенных выше критериев, возникает справедливый вопрос относительно некоторых преступлений, включенных в ч. 2 ст. 20 УК

РФ. К примеру, ст. 277 УК РФ, устанавливающая ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и включенная в ч. 2 ст. 20 УК РФ на том основании, что данное преступление отнесено к террористическим. Из логики законодателя справедливо предположить, что подросток 14-15 лет осознает значимость государственной и общественной деятельности, т.е. основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ. При этом, за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ) или на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ) несовершеннолетний, достигший 14 лет будет нести ответственность по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как, исходя из позиции законодателя, подросток еще не может понимать значимость и ценность непосредственных объектов данных составов преступлений, т.е. деятельность, связанную с вынесением судебного решения, расследованием преступлений, охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности. И как было отмечено выше, одновременно с этим 14-15-летнее лицо основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ. Представляется, что включение в ч. 2 ст. 20 УК РФ ст. 277 УК РФ не совсем правильно, так как не учитывает способность несовершеннолетнего осознавать сущность основного объекта посягательства [1, с. 25].

Кроме того, законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности только для умышленных преступлений, т.е. за неосторожные преступления возраст уголовной ответственности не снижен. Однако ч. 4 ст. 111 УК РФ – это преступление с двумя формами вины в котором, по отношению к смерти потерпевшего вина неосторожная. Представляется, что данный вопрос нуждается в соответствующем законодательном решении.

Несмотря на законодательное установление минимального возраста уголовной ответственности, данный вопрос не перестает быть предметом полемики среди ученых. Некоторые ученые высказываются за понижение данного возраста за некоторые преступления [16]. Однако следует учитывать

тот факт, что законодатель данный вопрос решил посредством возможности помещения несовершеннолетних, совершивших общественно опасное деяние в возрасте, исключающим уголовную ответственность и достигшим 11 лет, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [117]). Нельзя отрицать и того, что понижение возраста уголовной ответственности отрицательно отразится на личностном развитии несовершеннолетних, которые будут находиться во взаимодействии с несовершеннолетними криминального поведения и перенимать соответствующую модель поведения, а в дальнейшем совершать повторные преступления. Более того, снижение возраста уголовной ответственности за отдельные виды преступлений не привело к существенному снижению подростковой преступности.

В целом, определение оптимального возраста, с которого лицо может нести полную уголовную ответственность, требует учета множества факторов, включая физиологическое и психическое развитие ребенка, его способность осознавать характер и последствия своих действий, международные стандарты и особенности национальной правовой системы.

Определенного внимания заслуживают предложения ученых об установление верхней возрастной границе, позволяющей определить возможность лица нести уголовную ответственность [90, с. 81]. При рассмотрении данного вопроса выносятся предложения о признании пожилого возраста обстоятельством, смягчающим наказание [9, с. 9]. Если обратиться к судебной практике, то в настоящее время пожилой возраст учитывается как обстоятельство, смягчающее наказание. Например, по одному делу к обстоятельствам, смягчающим наказание ФИО1, суд отнес активное содействие раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и пожилой возраст подсудимого [32]. В другом примере, в качестве смягчающих наказание обстоятельств судом были учтены признание подсудимым своей вины, раскаяние в совершенном преступлении, наличие

хронических заболеваний, частичное возмещение ущерба, пожилой возраст подсудимого [34]. Некоторые суды при признании пожилого возраста как обстоятельства, которое учитывается при назначении наказания указывают возраст. Так, суд при назначении наказания учел состояние здоровья подсудимого, имеющего хронические заболевания, его пожилой возраст (71 год), подсудимый является пенсионером, состояние здоровья его сына Д., являющегося инвалидом I группы, опекуном которого является подсудимый, а также условия жизни его семьи, проживающей в сельской местности, имеющей приусадебный участок, личное подсобное хозяйство [78]. Как можно заметить, пожилой возраст учитывается в качестве обстоятельства смягчающего наказание в совокупности с другими смягчающими обстоятельствами.

Кроме того, на практике у лиц пожилого возраста выявляются не только хронические заболевания, но и, к примеру, органическое расстройство личности (F07.8) [82]. Последнее возможно выявить только посредством производства психолого-психиатрической экспертизы. Однако не всегда такие экспертные исследования проводятся в связи с пожилым возрастом подсудимого. Следует согласиться с предложением Е.Ю. Антоновой о необходимости урегулировать уголовно-процессуальным законом обязательность проведения психолого-психиатрической экспертизы в отношении лиц, совершивших преступление и достигших 70 лет, для решения вопроса о наличии у них возрастных изменений, снижающих их способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими [1, с. 33]. При выявлении соответствующих возрастных изменений, не связанных с психическим расстройством, такие обстоятельства должны признаваться, смягчающими наказание.

В-третьих, состояние вменяемости, которое определяется как условие наступления уголовной ответственности субъекта преступления. Подробное исследование данного признака субъекта преступления будет осуществлено в следующих частях настоящей работы.

Таким образом, понятие субъекта преступления включает в себя ряд взаимосвязанных признаков, наличие которых является необходимым условием для привлечения лица к уголовной ответственности. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков исключает возможность признания лица субъектом преступления и, соответственно, привлечения его к уголовной ответственности.

1.2 Понятие вменяемости и ее критерии

В предыдущей части настоящего исследования было установлено, что вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, отсутствие которого не позволяет лицу признать таковым (субъектом преступления). Действующий уголовный закон, обозначив вменяемость как общее условие уголовной ответственности в ст. 19, далее данное понятие не формулирует, раскрывая в ст. 21 УК РФ вторичное понятие невменяемости. Такой законодательный подход выявляет проблему дихотомии «вменяемость-невменяемость», то есть лицо может быть признано либо вменяемым, либо невменяемым. Однако определение вменяемости через невменяемость, по справедливому замечанию многих ученых, не совсем верно [95, с. 63].

Если обратиться к истории вопроса, то уже в конце XIX в. после принятия Уложения о наказаниях 1845 года [114], ряд отечественных правоведов обращались к проблеме вменяемости. В частности, В.Д. Спасович определял субъекта преступления, как физическое лицо, которое является вменяемым [97]. Н.С. Таганцев вменяемость отождествлял с дееспособностью, в которой проявляется индивидуальная воля субъекта [99, с. 145].

Вменяемость определялась, как способность человека критически оценивать свои хотения «и подавлять те их них, которые осуждаются разумом» [52, с. 99]. При этом, Н.Д. Сергиевский по поводу легального закрепления данного понятия, считал это необязательным в силу того, что

закон может ограничиться отрицательной стороной вменяемости – невменяемости [85, с. 222-223]. Вместе с тем, по мнению ученого, законодатель должен сформулировать юридический критерий вменяемости, как наличие или отсутствие у лица душевных сил и способностей, которые необходимы для вменения [85, с. 224].

Уголовное уложение 1903 года также не содержало понятие вменяемости, а раскрывало его вторичное понятие невменяемости [47, с. 20]. Вменяемость рассматривалось как условие, предпосылка уголовной ответственности и наказуемости деяния, что следовало из положений ст. 39 Уголовного уложения 1903 года: «лицо физическое может сделаться субъектом преступления только в таком случае, когда оно обладает способностью осознавать совершаемое и его результаты, способностью оценивать и руководствоваться сознанным или способностью сознательно определяться к действию» [46, с. 28]. Из данного законодательного положения Н.Д. Сергиевский делает вывод о том, что вменяемость – это свойство субъекта преступления, связанное с его способностью понимать закон и поступать в соответствии с его требованиями [85, с. 209].

Категория «вменяемость» отсутствовала в первых кодексах советского периода (см.: УК РСФСР 1922 [68], 1926 [69] гг.). Из анализа ст. 17 УК РСФСР 1922 года следует, что вменяемость, не будучи правовой категорией, однако признавалась законодателем как признак субъекта преступления и являлась предпосылкой вины и уголовной ответственности.

УК РСФСР 1960 года [112] впервые начинает апеллировать категорией «вменяемость» в ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 58. Более того, в ст. 11 УК РСФСР прямо были урегулированы положения о невменяемости.

Как уже было отмечено ранее, ныне действующий УК РФ вменяемость называет в качестве одного из признаков субъекта преступления (ст. 19 УК РФ). При этом, само понятие вменяемости законодатель не раскрывает в отличие, к примеру, от некоторых зарубежных стран (см., например ст. 18 Уголовного кодекса Республики Узбекистан [110], ст. 22 Уголовного кодекса

Туркменистана [113], ст. 22 Уголовного кодекса Республики Молдова [109], Пенитенциарный кодекс Эстонии [61]).

В уголовно-правовой науке некоторые ученые объясняют отсутствие легального определения вменяемости в уголовном законе, ее (вменяемости) обычным и естественным состоянием человека [102]. Однако, не стоит отрицать того факта, что вменяемость является нормативно-правовой категорией, а отсутствие ее определения в действующем уголовном законодательстве только еще больше порождает как в науке, так и на практике множество споров и неясностей, требующих постоянного изучения и переосмысления. Возникающие научно-теоретические проблемы по вопросам вменяемости охватывают широкий спектр вопросов, начиная от методологии определения вменяемости и заканчивая проблемами дифференциации вменяемости от невменяемости при пограничных психических расстройствах.

В современной доктрине уголовного права понятию вменяемости уделяется значительное внимание.

При этом по большей части, ученые исходят из того, что категория «вменяемость» является противоположной категории «невменяемость». В частности, А.В. Серебрянникова признает вменяемость и невменяемость взаимоисключающими понятиями, установление одного из которых исключает другое [87, с. 511].

Признавая дихотомичность категорий «вменяемость-невменяемость», Б.А. Спасенников и С.Б. Спасенников считают ошибочным утверждать, что понятие вменяемости вытекает из определения невменяемости [96, с. 27]. Названные категории используются для обеспечения уголовной ответственности и наказания лиц, способных нести ответственность. Такой же позиции придерживается и законодатель. К примеру, Правовое управление Аппарата Государственной думы в одном из своих заключений по законопроекту отметил, что «понятие вменяемости лица имеет строго определенные уголовным законом рамки (статья 19 Уголовного кодекса Российской Федерации) и может выступать только как одно из общих условий

уголовной ответственности. Соответственно применимо оно только к лицу, совершившему общественно-опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания» [23]. Однако, если вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, то невменяемость – это отсутствие субъекта преступления. В связи с чем, недопустимо выводить понятие вменяемости из невменяемости. Под вменяемостью авторы предлагают понимать «способность человека к осознанному волевому поведению во время (в момент) совершения преступления» [96, с. 31]. При этом, Б.А. Спасенников особое внимание обращает на то, что «наличие (отсутствие) у субъекта психического расстройства (например, шизофрении, олигофрении, расстройства личности и другие) не обуславливает и не может обуславливать решение о его вменяемости или невменяемости» [95, с. 67]. Главным является значимость «влияния этого психического расстройства на осознанно волевой выбор (принятие-отрицание) социально приемлемого (социально негативного) поведения в уголовно-значимой ситуации, на осознание субъектом (полное или частичное) фактического содержания и социальной значимости (запретности) избранного варианта поведения и руководства им» [95, с. 67]. В связи с чем, отдельное внимание должно уделяться рассмотрению вопроса о понятии психических расстройств и их отличии от психических болезней, позволяющие установить медицинский критерий вменяемости.

Р.И. Михеев считает, что вменяемость является признаком субъекта ответственности, предпосылкой вины и уголовной ответственности [45, с. 32]. Саму вменяемость автор предлагает понимать как «способность лица сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими» [45, с. 49].

Г.В. Назаренко вменяемость определяет, как способность лица действовать виновно во время совершения преступления [50, с. 85], то есть посредством установления наличия у лица осознанности общественной

опасности деяния во время его совершения. Ограниченная вменяемость определяется степенью такой осознанности фактического характера и общественной опасности совершаемого деяния [51, с. 92].

Ученые-медики, исходя из того, что вменяемость является юридическим понятием, определяют ее как способность человека осознавать свои действия и руководить ими в момент совершения правонарушения [13, с. 76] или как состояние психики лица в момент совершения преступления [18, с. 130].

В.И. Жуковский под вменяемостью понимает «психическое состояние субъекта в момент совершения преступления, позволяющее ему осознавать характер своего деяния и сознательно руководить своими действиями (бездействиями)» [22].

По мнению Ю.М. Антонян и С.В. Бородина, вменяемость является таким психическим состоянием лица, которое позволяет ему отдавать отчет и руководить своими действиями во время совершения преступления [3, с. 120, 123-124].

И.А. Петина, исследуемое понятие определяет не посредством таких категорий, как «способность», «психическое состояние» или «состояние психики», а как непосредственно осознание лицом причинно-следственных связей своих действий (бездействий) и возникшего вследствие этого преступного вреда [62, с. 29]. Представляется, что в данном случае осознанность фактического характера совершаемых действий как раз и включает определенный уровень психической оценки окружающей реальности и объективной действительности.

Как можно заметить, все ученые при определении вменяемости исходят из таких базовых категорий психологии, как интеллект и воля, то есть определяющие осознанно-волевое поведение лица во вменяемом состоянии. Осмысленность целей действий лица характеризует его сознание, посредством которого осуществляется сознательная концентрация (воля) психической активности субъекта на достижение определенного результата [48, с. 89].

Некоторые ученые такую психологизацию правовой категории признают излишней [101, с. 35].

Представляется, что юридическая природа вменяемости не исключает многогранность ее содержания, раскрываемое совокупностью ее критериев, которых традиционно выделяют два: юридический и медицинский [21, с. 144]. Однако в доктрине предлагается выделять помимо названных двух критериев еще и третий – психологический [48, с. 91]. Кроме того, некоторые ученые вообще считают правильным ограничить конструкцию вменяемости только юридическим критерием. К примеру, О.Д. Ситковская, рассматривая содержательную характеристику вменяемости, основываясь на данных психологии, считает, что она (характеристика вменяемости) не требует сочетания юридического и медицинского критериев. По мнению ученого, для установления субъекта преступления достаточно установление самой способности к осознанно волевому поведению и его реализации в конкретной ситуации, т.е. наличие юридического критерия, включающего интеллектуальный, волевой и эмоциональный аспекты [91].

Действительно, вменяемость тесно связана с философскими дискуссиями о свободе воли, детерминизме и роли сознания в человеческом поведении. В уголовном праве вменяемость предполагает наличие у лица определенной степени свободы воли, позволяющей ему выбирать между различными вариантами поведения. Поэтому, следует согласиться с тем, что уголовно-правовое определение вменяемости базируется на двух взаимосвязанных критериях: интеллектуальном и волевом. Интеллектуальный критерий предполагает способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а волевой критерий – способность руководить ими. Наличие обоих критериев является необходимым условием для признания лица вменяемым. На практике применение этих критериев сопряжено с рядом сложностей. Во-первых, возникает вопрос о степени осознания и руководства. Недостаточно ли лишь частичного осознания или ограниченной способности к руководству для

исключения вменяемости? Во-вторых, существует проблема доказывания наличия или отсутствия интеллектуального и волевого критериев в конкретном случае.

Однако, важное значение имеет медицинский критерий вменяемости, характеризующий психическое состояние лица во время совершения общественно опасного деяния. Данный критерий должен рассматриваться в совокупности с юридическим критерием, в сочетании с которым образуется конструкция вменяемости. Не стоит отрицать базисный характер медицинского критерия по отношению к юридическому, так как именно он (медицинский критерий) определяет интеллектуальные и волевые моменты второго (юридического критерия).

Кроме того, современные нейронауки ставят под сомнение традиционные представления о свободе воли, указывая на то, что многие наши действия обусловлены бессознательными процессами и нейрофизиологическими факторами. Это поднимает вопрос о том, насколько обоснованным является возложение уголовной ответственности на лиц, чье поведение может быть в значительной степени предопределено биологическими и психологическими факторами. Кроме того, естественнонаучные исследования в области нейробиологии и психиатрии позволяют все глубже понимать механизмы функционирования мозга и его взаимосвязь с психическими расстройствами. В таких условиях перспективным видится использование современных достижений нейронаук для уточнения границ биологических критериев вменяемости. Данный вопрос подробно освещается в диссертационном исследовании Р.И. Беличенко [10], в которой автор, в юридическом критерии вменяемости выделяет темпоральный признак, означающий совпадение интеллектуально-волевого момента со временем совершения преступления. Учет названного признака означает оценивание психического состояния лица в момент совершения им общественно опасного деяния. Содержательно биологический критерий

вменяемости может характеризоваться многообразием состояний психики лица, при которых сохраняются его сознательно-волевые способности.

Проведенный анализ основных подходов к понятию и критериям вменяемости, позволяет сделать вывод о том, что данный признак субъекта преступления означает осознанность лицом фактического характера и общественную опасность своих действий (бездействия) и находящегося в психическом состоянии, не исключающем его сознательно-волевые способности.

Большинство ученых признают недоработкой законодателя отсутствие в уголовном законе нормы, посвященной вменяемости [95, с. 112]. А.А. Арзуманян предлагает авторскую редакцию названия и содержания статьи 21 УК РФ. В частности, автор предлагает ст. 21 УК РФ переименовать на «Вменяемость. Невменяемость». В ч. 1 данной статьи закрепить понятие вменяемого лица, как лица, «которое во время совершения общественно опасного деяния осознавало фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и могло ими руководить» [8, с. 9].

Целесообразнее было бы УК РФ дополнить самостоятельной статьей, посвященной непосредственно вменяемости как признаку субъекта преступления.

Выводы по первой главе работы.

Во-первых, субъект преступления - обязательный элемент состава преступления, характеризующий лицо в связи с совершенным им общественно опасным деянием, которые вне данного деяния не имеют значения. Включение в ч. 2 ст. 20 УК РФ ст. 277 УК РФ не совсем правильно, так как не учитывает способность несовершеннолетнего осознавать сущность основного объекта посягательства. Кроме того, законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности только для умышленных преступлений, то есть за неосторожные преступления возраст уголовной ответственности не снижен. Однако ч. 4 ст. 111 УК РФ – это преступление с двумя формами вины, в котором по отношению к смерти потерпевшего вина неосторожная.

Представляется, что данный вопрос также нуждается в соответствующем законодательном решении. Определенного внимания заслуживают предложения ученых об установление верхней возрастной границы, позволяющей определить возможность лица нести уголовную ответственность. Высказана позиция о необходимости включения в уголовно-процессуальный закон обязательности проведения психолого-психиатрической экспертизы в отношении лиц, совершивших преступление и достигших 70 лет, для решения вопроса о наличии у них возрастных изменений, снижающих их способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. При выявлении соответствующих возрастных изменений, не связанных с психическим расстройством, такие обстоятельства должны признаваться, смягчающими при назначении наказания.

Во-вторых, действующий УК РФ вменяемость называет в качестве одного из признаков субъекта преступления. В доктрине ученые исходят из того, что категория «вменяемость» является противоположной категории «невменяемость». Названные категории используются для обеспечения уголовной ответственности и наказания лиц, способных нести ответственность. Однако, если вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, то невменяемость – это отсутствие субъекта преступления.

В связи с чем, недопустимо выводить понятие вменяемости из невменяемости.

Представляется, что юридическая природа вменяемости не исключает многогранность ее содержания, раскрываемое совокупностью ее критериев, которых традиционно выделяют два: юридический и медицинский.

Важное значение имеет медицинский критерий вменяемости, который сам по себе не свидетельствует о вменяемости или невменяемости лица.

Данный критерий должен рассматриваться в совокупности с юридическим критерием, в сочетании с которым образуется конструкция вменяемости.

Не стоит отрицать базисный характер медицинского критерия по отношению к юридическому, так как именно он (медицинский критерий) определяет интеллектуальные и волевые моменты второго (юридического критерия).

Проведенный анализ основных подходов к понятию и критериям вменяемости, позволил сделать вывод о том, что данный признак субъекта преступления означает осознанность лицом фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) и находящегося в психическом состоянии, не исключающем его сознательно-волевые способности.

Предложено дополнить УК РФ самостоятельной статьей, в которой закрепить понятие вменяемости.

Глава 2 Некоторые дискуссионные вопросы при установлении вменяемости в правоприменительной практике

2.1 Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость

Психическое состояние человека, не исключающее его сознательно-волевые способности, является обязательным элементом вменяемости. Под психическим состоянием понимается «динамическая характеристика, отражающая глубину и тяжесть нарушений психики конкретного лица» [65, с. 120]. Динамичность психического состояния означает, что данное состояние не является статичным образованием. Оно постоянно меняется, отражая динамику внутренних и внешних условий. Психические состояния формируются под воздействием множества факторов, как внутренних, так и внешних и могут быть вызваны конкретными событиями или развиваться постепенно, под влиянием длительного воздействия определенных факторов. Важно также отметить, что психическое состояние является характеристикой лица как здорового, так и страдающего какими-либо заболеваниями и в том числе, психическими расстройствами. Из положений статей 21 и 22 УК РФ следует, что законодатель не признает зеркальными категории «вменяемость» и «невменяемость». Согласно ст. 22 УК РФ, вменяемый так же, как и невменяемый, может страдать психическим расстройством, но таким, которое не исключает вменяемость, и не позволяет «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Несмотря на обозначенную законодателем в ст. 22 УК РФ позицию, в доктрине по сей день присутствует мнение о том, что вменяемое лицо не может страдать психическими заболеваниями [36, с. 56]. По данному поводу Б.В. Здравомыслов отмечал, что «способность понимать не только фактическую сторону своих поступков, но и социальную их значимость и при

этом сознательно руководить своими действиями свойственно только психически здоровым и умственно полноценным людям» [106, с. 198]. Представляется, что такие утверждения, противоречащие положению ст. 22 УК РФ, обусловлены отсутствием законодательного определения вменяемости. Исходя же из ст. 22 УК РФ, наличие или отсутствие психического расстройства не позволяет говорить о наличии или отсутствии вменяемости.

Еще в начале XX в. В.П. Сербский отмечал, что «понятие душевной болезни и понятие невменяемости совпадают далеко не всегда, одно покрывается другим только в некоторых классических, строго определенных формах болезни» [86, с. 786].

По словам Б.А. Спасенникова и С.Б. Спасенникова, главным в определении вменяемости, является «значимость влияния этого психического расстройства на осознанно волевою регуляцию поведения, осознанно волевой выбор (принятие-отрицание) социально приемлемого (социально негативного) поведения в уголовно-релевантной ситуации, на осознание субъектом (полное или частичное) фактического содержания и (или) социальной значимости (запретности) избранного варианта поведения и руководства им» [96, с. 28].

С.В. Бородин в состоянии невменяемости основное значение придает характеру заболевания и связи мотивации с психическим расстройством [37, с. 241].

Исходя из приведенных мнений ученых, базирующихся на нормах статей 21 и 22 УК РФ, наличие психического расстройства не всегда равно невменяемости.

О.Д. Ситковская считает, что исследованию подлежит влияние психического расстройства на механизмы осознанно-волевого поведения, на принятие и реализацию решений вменяемым лицом [89, с. 73, 75], что и отражено в ст. 22 УК РФ.

Ученые, вменяемость лиц, страдающих психическим расстройством, не исключаяющим вменяемость, считают разновидностью вменяемости [51, с. 162], именуя ее ограниченной, уменьшенной или частичной вменяемостью [12, с. 141].

В научно-теоретическом аспекте ограниченная вменяемость определяется как «сниженная психическим расстройством способность субъекта действовать осознанно и волимо во время совершения преступного деяния, то есть способность реализовать виновное отношение к своему деянию и его последствиям» [51, с. 162]. Из данного определения ограниченной вменяемости, можно выделить два критерия:

- юридический, включающий интеллектуальный и волевой моменты, то есть неспособность лица во время совершения преступления в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий в полной мере руководить своими деяниями;
- медицинский – пограничные формы психических заболеваний. Конкретный перечень таких заболеваний отсутствует. В связи с чем, важное значение имеет вопрос о понятии и видах психических расстройств, не исключаяющих вменяемости.

Однако, как отметил Конституционный Суд РФ, содержание понятия «психическое состояние», относящегося по своей природе к категориальному аппарату наук, изучающих психическую сферу, конкретизируется судом в каждом уголовном деле на основе подтвержденных доказательствами фактических обстоятельств с помощью специальных познаний экспертов в области психиатрии. Исходя из их выводов о наличии или отсутствии у лица психического расстройства суд устанавливает изменения в психическом состоянии данного лица, выступающие в качестве правообразующих, правоизменяющих или правопрекращающих юридических фактов, и тем самым обеспечивает справедливое разрешение уголовного дела [71].

При этом отмечается универсальный характер понятия «психическое расстройство», которое включает в себя все болезни, сопровождающиеся нарушениями психики [70].

Необходимо различать психическое расстройство и изменения психики и индивидуально-психологические ее особенности, что наглядно видно из следующего примера судебной практики.

Так, судом было изучено психическое состояние подсудимого. Согласно выводам экспертной комиссии, у Окулова С.М. были выявлены такие патохарактерологические особенности, как эгоцентричность, вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость с облегченностью суждений с нарушением поведения, склонностью к ауто- и гетеро-агрессивным действиям. По результатам психологического исследования у Окулова С.М. были выявлены черты неустойчивости эмоциональных проявлений, опора на свое мнение, узконаправленные интересы, недостаточные способности для решения конфликтных ситуаций конструктивными способами. Данные изменения психики и индивидуально-психологические особенности не оказали существенного влияния на поведение виновного и не лишали его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [83].

Наличие у лица психического расстройства может по-разному отражаться на его интеллектуальном и волевом уровне. Для разрешения же вопроса о вменяемости виновного вопросы научной терминологии и классификации психических расстройств существенного значения не имеют [6].

Важно также отметить, что даже наличие у виновного психического расстройства, не всегда является основанием для признания его ограниченно вменяемым и применение к нему норм ст. 22 УК РФ.

К примеру, из заключения эксперта следовало, что Т. обнаруживает легкую умственную отсталость, что, однако, не лишало его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий

и руководить ими, в период инкриминируемых деяний признаков временного психического расстройства не обнаруживал, он может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания, в применении принудительных мер медицинского характера не нуждается. Учитывая изложенное, суд не увидел оснований для применения в отношении Т. положений ч. 2 ст. 22 УК РФ. При этом само по себе состояние здоровья, было учтено судом при назначении наказания [72].

В другом примере, экспертами было установлено, что Б., страдая психическим расстройством во время совершения преступления, не обнаруживал и временного психического расстройства. Следовательно, он мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела [58].

Не всегда наркозависимость признают психическим расстройством, не исключаяющим вменяемость. Так, в кассационной жалобе осужденный Б. указал на то, что является наркозависимым лицом, состоящим на учете в наркодиспансере, в связи с чем, к нему должны быть применены положения ч. 2 ст. 22 УК РФ. Однако, вопреки приведенным в кассационной жалобе доводам, суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы сделал вывод о том, что страдающий зависимостью от нескольких психоактивных веществ Б. каким-либо хроническим психическим расстройством в период, относящийся к инкриминируемому деянию, не страдал и не страдает в настоящее время, мог руководить своими действиями и в полном объеме осознавал общественную опасность своих действий, в применении принудительных мер медицинского характера не нуждается, в связи с чем, положения ст. 22 УК РФ на него не распространяются [24].

Вменяемыми признаются и лица при совершении сексуальных преступлений, у которых нарушен волевой компонент, но они могут осознавать свои действия, будучи не способными руководить ими [38, с. 81].

В приведенных примерах, психические расстройства, которыми страдает виновный, являются составляющими его вменяемости и наличие которых не является обязательным основанием для применения положений ст. 22 УК РФ. Объясняется это тем, что имеющееся психическое расстройство не всегда проявляется в поведении виновного и не во всех случаях оказывает влияние на механизм его преступного поведения [42, с. 16]. Поэтому, напрашивается вывод о том, что психическое расстройство может являться составляющей вменяемости субъекта преступления и нейтрально в правовом смысле при отсутствии юридического критерия, обозначенного в ст. 22 УК РФ, т.е. когда лицо «не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Исходя из выше сказанного, ограниченная вменяемость имеет место быть только тогда, когда психическое расстройство «вмешивается в сознательно-волевою деятельность лица, влияет на свободу воли лица» [1, с. 52]. При этом, вменяемость лица с психическими расстройствами или без таковых по отношению к уголовной ответственности юридически равнозначны, так как субъект в обоих случаях подлежит уголовной ответственности [51, с. 144]. Неодинаковой в данных случаях является способность действовать осознанно и руководить своими действиями. Поэтому, законодатель в ст. 22 УК РФ указал на необходимость учитывать психическое расстройство при назначении наказания. Однако в части учета психического заболевания при назначении наказания возникают некоторые трудности.

Так, по смыслу уголовного закона и в соответствии с положениями Определений Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 г. № 492-О-О [54] и от 29.09.2015 года № 1969-О [55], хронический алкоголизм и наркомания, как заболевания связанные с волей лица, возникшие ввиду ведения аморального образа жизни, не должны ни в коем случае служить основанием для смягчения наказания виновному лицу, иное бы противоречило требованиям разумности

и справедливости, не отвечало бы критерию «равное наказание за равное деяние», поскольку в данном случае лицу, страдающему хроническим алкоголизмом и наркоманией, назначается более мягкое наказание, чем здоровому человеку. Статья 22 УК РФ, регламентирующая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, не относит это обстоятельство ни к смягчающим, ни к отягчающим вину, а лишь предусматривает, что такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (часть вторая). Указанные сведения не входят в перечень обстоятельств, обязательных для признания их судом в качестве смягчающих наказание и перечисленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ. Признание данных обстоятельств смягчающими наказание, в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ, является правом, а не обязанностью суда. Само по себе наличие у осужденного заболеваний не свидетельствует как о несправедливости назначенного наказания, так и о необходимости его снижения.

На практике, к примеру, суд апелляционной инстанции не обосновал мотивы принятия решения об отнесения «Синдрома зависимости от алкоголя, марихуаны и героина» к обстоятельствам, смягчающим наказание, а лишь указал на его наличие, хотя данное обстоятельство было отмечено в приговоре суда первой инстанции, и учтено как данные о личности осужденного при назначении наказания [33].

В другом случае судом было установлено следующее. Согласно заключению комиссии экспертов, у В. было обнаружено органическое расстройство личности в связи со смешанными заболеваниями и синдромом зависимости от опиоидов. Данное обстоятельство подлежало обязательному учету при решении вопроса о назначении В. наказания, что судами, исходя из текста решений судов первой и апелляционной инстанции, сделано не было. Более того, согласно имеющихся в материалах уголовного дела медицинских документов, В. имеет и другие заболевания: остеохондроз грудного и

поясничного отделов позвоночника, хронический вирусный гепатит «С» и другие. Однако эти обстоятельства, несмотря на доводы осужденного об этом, а также и выступление прокурора в прениях, также были оставлены без внимания судебными инстанциями при назначении В. наказания. Одновременно с этим следует отметить, что сведения о состоянии здоровья и наличии заболеваний были учтены в качестве смягчающего наказание обстоятельства и в приговоре Солнцевского районного суда г. Москвы от 23 августа 2021 года, наказание по которому частично сложено с наказанием, назначенным по обжалованному приговору. Исходя из изложенного, суд признал смягчающим наказание обстоятельством в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ - состояние здоровья осужденного, что повлекло необходимость соразмерного смягчения назначенного осужденному наказания, с учетом ранее установленных судом обстоятельств, предусмотренных ст. ст. 6, 60, 61 УК РФ [67].

Таким образом, совершение преступления лицом с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, не означает безусловное признание данного обстоятельства смягчающим. С учетом открытого перечня смягчающих обстоятельств (ст. 61 УК РФ) практика исходит из индивидуального подхода.

Например, при рассмотрении дела суд принял во внимание наличие у К. расстройство личности поведения. При этом из его показаний на предварительном следствии, положенных в основу приговора, следует, что в дом потерпевшей он проник с целью найти спиртное. Поскольку содеянное не находилось в прямой причинно-следственной связи с наличием у него на момент совершения деяния психического расстройства, не исключающего вменяемости, суд не усмотрел оснований для признания факта наличия у К. смягчающим его наказание обстоятельством [4].

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в абзаце 2 п. 28 Постановления от 22 декабря 2015 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [74] в качестве иных

смягчающих обстоятельств, суд вправе признать состояние здоровья осужденного, наличие инвалидности и т.д. Таким образом, по смыслу ч. 2 ст. 61 УК РФ в качестве иных смягчающих наказание обстоятельств признается именно состояние здоровья осужденного, но не названия болезней.

Наблюдаемую в настоящее время рассогласованность судебной практики некоторые ученые предлагают преодолеть посредством установления в уголовном законе наличия психического расстройства у лица, совершившего преступление в качестве обстоятельства, смягчающего наказание [41, с. 383]; [19, с. 147].

По мнению других ученых, «признание психического расстройства обстоятельством, смягчающим наказание не исключается ввиду открытого перечня таких обстоятельств в ст. 61 УК РФ» [59, с. 43]. Такая же позиция прямо отражена в абз. 3 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 года № 1 [73] применительно к несовершеннолетним, страдающим психическим расстройством, признающегося смягчающим обстоятельством и основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

А.В. Яшин признание психического расстройства, не исключающего вменяемости смягчающим обстоятельством, признает не совсем удачным, так как такие лица «склонны к совершению насильственных преступлений и рецидиву» [121, с. 156].

Г.В. Назаренко, считает, что психические аномалии не всегда являются причинами совершения умышленных преступлений. Однако, при совершении такими лицами неосторожных преступлений автор считает возможным смягчать им наказания, поскольку психические расстройства могут замедлять психические реакции и затруднять восприятие окружающей обстановки. Г.В. Назаренко предлагает при совершении неосторожных преступлений ограниченно вменяемыми лицами смягчать наказание посредством назначения более мягкого наказания, из предусмотренных в санкции конкретной нормы [51, с. 157].

А.В. Яшин предлагает из ч. 2 ст. 22 УК РФ вообще исключить предписание об учете психического расстройства, не исключаящего вменяемости, при назначении наказания [121, с. 156]. Не обоснованным ученый признает и положение, закрепленное в абз. 3 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 года № 1, так как п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ предусматривает несовершеннолетний возраст виновного, как обстоятельство, смягчающее наказание [121, с. 154].

При решении вопроса о признании психического расстройства обстоятельством, смягчающим наказание, необходимо определить место данного расстройства в формировании и реализации преступного поведения. Если психическое расстройство занимает нейтральное место в механизме преступного поведения, то это не может быть обстоятельством, смягчающим наказание. При назначении наказания должно учитываться психическое расстройство, в силу которого лицо, во время совершения преступления, не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. Е.Ю. Антонова полагает, что в таком случае психическое расстройство должно признаваться смягчающим обстоятельством [2, с. 48].

Однако важное значение имеет осознание лицом, что он страдает психическим расстройством и его поведение в период, предшествующий совершению преступления. Следует согласиться с тем, что такое должно приниматься во внимание при назначении наказания как обстоятельство, отрицательно характеризующее личность виновного (ч. 3 ст. 60 УК РФ) [66, с. 135]. Данное положение целесообразно было бы разъяснить в абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 года № 58.

В целом, соглашаясь с выдвигаемыми в уголовно-правовой доктрине предложениями, представляется целесообразным их отразить в ч. 2 ст. 22 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «2. Психическое расстройство, в силу которого вменяемое лицо, во время совершения преступления не могло в

полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера».

2.2 Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения

Вменяемым признается лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения. Такие лица в соответствии со ст. 23 УК РФ подлежат уголовной ответственности.

Одной из основных проблем уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, является отсутствие единообразного понятия состояния опьянения. Ученые, опьянение понимают по-разному. К примеру, В.В. Дунаевский и В.Д. Стяжкин, опьянение определяют как «симптокомплекс нервно-психических и соматовегетативных нарушений, возникающих в результате повышенной концентрации этанола в организме» [20, с. 32].

Как «психическое состояние, вызванное употреблением алкогольных напитков, наркотических или других одурманивающих веществ, выражающееся в снижении способности человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими» - понимает опьянение М.И. Петров [63, с. 178].

Достаточно общее определение опьянения дается в учебной литературе: «изменение физиологического состояния организма, вызванное воздействием алкогольных, наркотических или одурманивающих веществ, сопровождающееся неадекватным восприятием и поведением человека» [104, с. 302].

Определенной дискуссионностью отличается вопрос об отождествлении опьянения с психическим расстройством. К примеру, Б.А. Спасенников

полагает, что опьянение представляет собой «психическое расстройство в результате введения в организм человека веществ, оказывающих психотропное, нейротоксическое воздействие на головной мозг» [95, с. 233].

Кроме того, в доктрине состояние опьянения рассматривается как:

- основание уменьшенной вменяемости, при котором снижаются способности критического отношения к своему поведению и качество интеллектуальных операций (О.Д. Ситковская);
- психические аномалии (Н.Г. Иванов) [51, с. 169].

Однако, Г.В. Назаренко, ссылаясь на мнение И.А. Кудрявцева, справедливо отмечает невозможность разграничения алкогольных и эмоциональных нарушений при аномальном аффекте, возникшем на фоне алкогольного опьянения [51, с. 169]. Кроме того, при таком подходе смешиваются два разных явления – алкоголизм (наркомания) и опьянение. Алкоголизм ведет к возникновению психического расстройства, вследствие которого лицо во время совершения общественно опасного деяния признается невменяемым [51, с. 171].

Действительно, состояние опьянения не всегда отражается на сознательно-волевой деятельности лица. При этом необходимо учитывать тот факт, что опьянение может быть физиологическим и патологическим. Последнее, т.е. патологическое опьянение, представляет собой качественное изменение состояния сознания, возникающее под воздействием алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ и характеризующееся глубокими нарушениями психики. Иными словами, патологическое опьянение – это тяжелое психическое расстройство, разновидность временного психического расстройства [1, с. 53].

В отличие от патологического опьянения, при физиологическом опьянении одновременно с ослаблением сознания и воли сохраняется способность лица осознавать характер своих действий.

Исходя из законодательного подхода, изложенного в ст. 23 УК РФ алкогольное опьянение презюмирует вменяемость субъекта. При этом ученые психиатры не исключают того факта, что прием значительного количества алкоголя приводит к грубым расстройствам психической деятельности и наступлению состояния, сходного с наступающим при наркозе (О.В. Кербиков, Р.А. Наджаров и другие). Одновременно с этим утверждается, что любая степень опьянения не имеет значения при решении вопроса о вменяемости [100, с. 82], так как лицо не утрачивает способность отдавать отчет в своих действиях [43, с. 116].

В связи с изложенным, следует поддержать предложение Г.В. Назаренко дифференцировать в ст. 23 УК РФ правовые последствия при совершении общественно опасного деяния в состоянии патологического опьянения. В таком случае автор предлагает ориентировать правоприменителя на применение ч. 2 ст. 21 УК РФ [51, с. 177, 178], что позволит решить вопрос разграничения патологического опьянения и тяжелой степени физиологического опьянения, не исключающего вменяемость.

Следует обратить внимание на то, что в ст. 23 УК РФ законодатель обозначил источники опьянения:

- алкоголь, понятие которого охватывает этиловый спирт, все его разновидности, спиртосодержащая и алкогольная продукция в контексте Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [116];
- наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, новые потенциально опасные психоактивные вещества либо другие одурманивающие вещества. Понятие данных средств и веществ содержится в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» [115].

При всем при этом, обозначенные в ст. 23 УК РФ источники опьянения, их структура и степень опьянения не имеют значение для правоприменителя. Важен сам факт совершения преступления в состоянии опьянения, которое суд может признать обстоятельством, отягчающим ответственность, что прямо закреплено в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ. Состояние опьянения, указанное в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ как обстоятельство, отягчающее наказание, характеризует субъекта преступления. Само по себе состояние опьянения уголовно не наказуемо, а уголовно-правовую оценку оно получает в случае оказания влияния на степень и объем вины или тяжесть последствий, т.е. отнесено к сфере судебного усмотрения [40, с. 28]. В абз. 1 п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – Постановление № 58) [74] указано, что совершение преступления в состоянии опьянения не является основанием для признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание. Свое решение о признании данного обстоятельства отягчающим, суд должен мотивировать.

Однако на практике встречаются случаи, когда суды не приводят мотивы, по которым признают состояние опьянения отягчающим обстоятельством.

Например, Апелляционным постановлением Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 29.09.2022 отменен приговор мирового судьи судебного участка № 118 Центрального судебного района г. Тольятти Самарской области от 09.06.2022 г. в отношении Ш.К.Н., осужденной по ч. 1 ст. 159 УК РФ, по тем основаниям, что мировым судьей, при рассмотрении уголовного дела, не выяснялся вопрос о том, находилась ли Ш.К.Н. в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, и если да, повлияло ли данное состояние на факт совершения последней указанного преступления. Кроме того, в приговоре, несмотря на указание в установочной части на совершение преступления в состоянии опьянения, не отражены выводы о том, следует ли в данном конкретном случае признать указанное состояние (в

случае нахождения подсудимой в состоянии опьянения) обстоятельством, отягчающим наказание Ш.К.Н. [98].

Признание состояния опьянения отягчающим обстоятельством возможно, если будет установлена взаимосвязь между употреблением источника опьянения и преступным поведением лица, а также определение значения данного состояния в механизме совершенного преступления.

На практике состояние опьянения как отягчающее обстоятельство вменяется судами в следующих ситуациях: опьянение оказало влияние на возникновение агрессии и в создании конфликтной ситуации [26].

Например, суд пришел к выводу о том, что состояние алкогольного опьянения П. (Ю.) способствовало совершению ею противоправных действий, а потому суд - с учетом ч. 1.1 ст. 63 УК РФ - правомерно признал данное состояние в качестве отягчающего наказания обстоятельства [5].

Согласно показаниям потерпевшего и свидетелей Н2., Н1. и К2. осужденный на протяжении вечера ДД.ММ.ГГГГ, употребляя спиртное, вел себя агрессивно, что послужило причиной вызова сотрудников полиции. После чего К. спровоцировал конфликт с И., который не причинял ему телесных повреждений. Вопреки доводам жалобы суд апелляционной инстанции обоснованно признал отягчающим обстоятельством в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК совершение преступления в состоянии опьянения. Суд указал, каким образом указанное состояние повлияло на поведение виновного, при этом учитывая, что К. на фоне распития спиртных напитков, находясь именно в состоянии алкогольного опьянения, на почве возникших личных неприязненных отношений, в отсутствие каких-либо объективных причин для применения предмета, используемого в качестве оружия, в отношении И. нанес ему один удар в левую часть живота [30];

- усиливает мотивацию, решимость и намерение совершить преступление [27];
- создало возможность для совершения преступления, которое в трезвом состоянии не было бы совершено виновным [28];

- влияние состояния опьянения на совершение преступления, устанавливаемое экспертным путем. Например, экспертами было установлено, что сознание у осужденного было не помрачено. Запомывание событий входит в картину алкогольного опьянения и не лишало и не лишает ФИО1 способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими [31].

Как можно заметить, состояние опьянения признается отягчающим обстоятельством, когда оно является провоцирующим фактором, способствующим наступлению преступного вреда.

Состояние опьянения не является отягчающим обстоятельством, если:

- оно имеет нейтральное значение в механизме совершения преступления.

По данному поводу интересен следующий пример из судебной практики. В подтверждение выводов о том, что именно состояние опьянения, вызванного употреблением алкоголя, существенно снизило способность правильно воспринимать происходящее и контроль Ш. за своим поведением, явно негативно сказалось на нем, усилило его агрессию и способствовало возникновению и реализации преступного умысла, суд перечислил фамилии самого осужденного, потерпевшего, свидетеля, а также сослался на других очевидцев (без указания их конкретных данных), и на некие психологические особенности, отмеченные в заключении эксперта, без указания на то, какие конкретно из этих особенностей свидетельствуют о влиянии алкоголя на поведение осужденного. Никаких иных мотивов в приговоре не приведено.

Вместе с тем из показаний всех лиц, перечисленных в приговоре, не следует, что в состоянии алкогольного опьянения поведение осужденного каким-либо образом меняется, в том числе в худшую сторону, делает его более агрессивным, снижает способность правильно воспринимать происходящее и контролировать свои действия. Сам Ш. в судебном заседании категорически

отрицал, что употребление им до произошедшего 2-2,5 литров пива способствовало совершению преступления.

В заключении экспертов, на которое сослался суд, также не содержится никаких выводов и суждений, которые бы свидетельствовали о том, что употребление алкоголя снижает способность Ш. правильно воспринимать происходящее и контролировать свое поведение. Напротив, в нем указано, что для его индивидуально-психологических особенностей и социальных свойств личности характерны повышенная эмоциональная возбудимость и вспыльчивость, неустойчивость в стрессе, недостаточная сдержанность в поведении, высокая резистентность поведения по отношению к внешним воздействиям, недостаточная способность управлять своими эмоциями, сниженный самоконтроль, негативная реакция на критику в свой адрес, максимализм в эмоциональных проявлениях, в стрессе - сверхактивность.

При этом из показаний Ш. и свидетеля данных в ходе предварительного следствия, исследованных в судебном заседании, но не приведенных в приговоре (соответственно, проигнорированных судом первой инстанции), следует, что зачинщиком конфликта был свидетель прибывший на место преступления совместно с потерпевшим поскольку именно он стал предъявлять осужденному необоснованные претензии по поводу оскорбления которого в действительности не было, оскорблять его, что и обусловило поведение Ш., который в ходе словесной ссоры первый нанес удар сначала <данные изъяты> а затем и потерпевшему, также вступившему с ним в конфликт, в результате которого между ними завязалась обоюдная драка. Именно после окончания этой драки в результате вмешательства третьих лиц, испытывая злость и личные неприязненные отношения, осужденный и нанес потерпевшему удар ножом.

Кроме того, исследованными доказательствами объективно подтверждается, что в течение вечера осужденный хоть и употребил 2 - 2,5 литра пива, однако распивал их на протяжении более 6 часов. Все изложенное не дает достаточных оснований полагать, что именно состояние алкогольного

опьянения способствовало совершению им преступления. Из приговора было исключено указание о признании отягчающим обстоятельством - совершение преступления в состоянии опьянения [29];

- преступление совершено не в силу нахождения виновного в состоянии опьянения, а в связи с тем, что он дал показания, изобличающие Н. в совершении преступления [81];
- состояние опьянения должно предшествовать совершению преступления, а не являться результатом совершенного преступления [77];
- является квалифицирующим признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 263 и 264 УК РФ или криминообразующим признаком ст. 264.1 УК РФ. Алкогольное опьянение уже включено в состав данных преступлений в качестве квалифицирующего признака, что исключает его учет, как в качестве отягчающего, так и смягчающего наказание.

Отдельное внимание следует уделить статьям 263, 264 и 264.1 УК РФ. На практике присутствуют позиции, согласно которым, при совершении преступлений, ответственность за которые установлена указанными нормами уголовного закона, имеет место быть случайность в совершении преступления, обусловленная состоянием опьянения [57]. Однако, следует согласиться с тем, что виновный, садясь за руль автомобиля в состоянии опьянения, нарушает Правила дорожного движения [76] и, следовательно, преступление совершается не в связи со случайным стечением обстоятельств [56].

Изложенное позволяет сформулировать понятие состояния опьянения, которым необходимо дополнить ст. 23 УК РФ в виде примечания: «состояние, обусловленное употреблением алкоголя, наркотических, психотропных, психоактивных, иных одурманивающих веществ, их аналогов, оказывающее существенное влияние на характер и степень общественной опасности совершенного деяния».

2.3 Проблемы уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии аффекта

Действующий уголовный закон предусматривает ответственность за совершение преступлений, в условиях психотравмирующей ситуации (ст. 106 УК РФ) и в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (статьи 107 и 113 УК РФ). Из данных норм следует, что при совершении убийства матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, а также лица, совершившие убийство (ст. 107 УК РФ) или причинившие тяжкий или средней тяжести вред здоровью потерпевшего (ст. 113 УК РФ) в состоянии аффекта – признаются вменяемыми, то есть способны нести уголовную ответственность. При этом, законодатель выделил привилегирующие (смягчающие) признаки данных преступлений: психотравмирующая ситуация и состояние аффекта [1, с. 50].

Психотравмирующая ситуация представляет собой событие или совокупность событий, оказывающих интенсивное и деструктивное воздействие на психику человека, приводящее к нарушению ее нормального функционирования, дезорганизации когнитивных процессов и эмоциональной сферы, и, как следствие, к формированию психологических травм. Определяющим фактором здесь является не сама природа события, а субъективное восприятие этого события индивидом, его способность (или неспособность) справиться с возникшей ситуацией и интегрировать ее в свой личный опыт. Традиционно, к психотравмирующим ситуациям относят события, связанные с угрозой жизни, здоровью, физической или

психологической неприкосновенности индивида или близких ему людей. Однако сфера психотравмирующих событий значительно шире и включает в себя не только катастрофы, насилие, военные действия, но и переживания, связанные с публичным унижением, предательством близкого человека, тяжелым заболеванием и так далее.

Юридическая оценка психотравмирующей ситуации достаточно сложная проблема. Психологическое содержание психотравмирующей может быть разнообразным и во многом определяется общей системой ценностей личности, реакцией на неблагоприятные воздействия [92].

Определенные вопросы возникают на практике при квалификации убийство младенца его матерью не в состоянии психического расстройства, то есть не в состоянии ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), снижающей степень вины субъекта преступления. Такие обстоятельства не дают основания для смягчения ответственности за содеянное даже при наличии «психотравмирующей ситуации».

Так, ФИО, находясь в родовом отделении, родила ребенка женского пола, которого в последующем 10.12.2022 зарегистрировала. Сразу после родов, то есть в период нахождения в ГБУЗ с 22 часов 28 минут по 17 часов 36 минут 10.12.2022, ФИО, опасаясь морального осуждения со стороны родственников и знакомых ей лиц в связи с рождением Жороевой У.А., находясь в тяжелом материальном положении, не имея постоянного заработка, официально зарегистрированного брака, не имея постоянного места жительства, то есть, находясь в условиях психотравмирующей ситуации, приняла решение устраниться от своих обязанностей по заботе о своем ребенке, оставив его в подъезде жилого дома.

Затем ФИО 10.12.2022, сразу после выписки из вышеуказанного медицинского учреждения прибыла совместно с новорожденной Жороевой У.А. по адресу и не желая быть застигнутой на месте преступления, выбрала место в холле 1 этажа 3 подъезда дома, после чего, осознавая, что ФИО жива и ей после рождения необходима первоначальная надлежащая

медицинская помощь, уход и кормление, убедившись, что ее преступные действия остаются незамеченными для окружающих, оставила свою новорожденную дочь на батарее, осознавая, что оставляет своего новорожденного ребенка без помощи в опасном для жизни и здоровья состоянии, лишенного возможности принять меры к самосохранению ввиду своего возраста и своей беспомощности, после чего с места преступления скрылась. Далее 10.12.2022 примерно в 19 часов 08 минут ФИО была обнаружена жильцом вышеуказанного дома ФИО, после чего была госпитализирована в ГБУЗ «ДГКБ № 9 им. ФИО» ДЗМ адрес для оказания необходимой медицинской помощи [80].

Как можно заметить, суд приводит обстоятельства психотравмирующей ситуации: тяжелое материальное положение, отсутствие постоянного заработка, отсутствие официально зарегистрированного брака, отсутствие постоянного места жительства. При этом далее, приводя обстоятельства дела, следует, что виновная действовала в состоянии вменяемости так как, не желая быть застигнутой на месте преступления, выбрала место, после чего, реализуя преступный умысел, осознавая, что новорожденный жив и ему после рождения необходима первоначальная надлежащая медицинская помощь, уход и кормление, убедившись, что ее преступные действия остаются незамеченными для окружающих, оставила свою новорожденную дочь на батарее, осознавая, что оставляет своего новорожденного ребенка без помощи в опасном для жизни и здоровья состоянии, лишенного возможности принять меры к самосохранению ввиду своего возраста и своей беспомощности, после чего с места преступления скрылась.

Основой вопрос, возникающий при определении вменяемости и при квалификации действий виновной по ст. 106 УК РФ, состоит в том, что законодатель не употребляет союз «и» даже в сочетании с союзом («или»), поскольку именно «психотравмирующая ситуация» должна вызывать (и вызывает) «состояние психического расстройства», являющееся субъективным основанием для того, чтобы совершенное указанным в ст. 106

УК РФ лицом убийство могло признаваться совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Оценочный характер таких указанных в ст. 106 УК РФ понятий, как: «психотравмирующая ситуация»; «психическое состояние, не исключающее вменяемости»; «новорожденный ребенок», – требует разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в отдельном постановлении. Поскольку правильное определение указанных терминов требует специальных медицинских, психологических и психиатрических знаний, Пленум должен указать судам на необходимость проведения по каждому из преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, комплексной судебно-психологической и психиатрической экспертизы.

Что касается аффекта, то данное понятие впервые было употреблено еще Аристотелем, как яркий и сильный вид эмоции, приводящий к спонтанному поведению, которое невозможно преодолеть [35, с. 36].

В настоящее время аффект является предметом изучения учеными психологами и юристами.

Первым из отечественных ученых-психологов дал оценку аффекту С.Л. Рубинштейн, понимая под ним бурно и стремительно протекающий эмоциональный процесс, обладающий взрывным характером, который дает разрядку в действии неподчиненному сознательному волевому контролю [84, с. 36].

В психологии выделяют несколько видов аффекта:

- кумулятивный, то есть аффект, возникающий в условиях длительного нахождения личности в субъективно тяжелой ситуации;
- патологический, то есть временное болезненное расстройство психики и ведет к признанию лица невменяемым, что ведет к невозможности привлечения данного лица к уголовной ответственности;
- аномальный, то есть взрывные аффективные реакции, характеризующиеся патологическими изменениями [64, с. 64];

- аффект на почве алкогольного опьянения. По поводу данного вида аффекта мнения ученых разделились. Так, по мнению одних ученых такой аффект является физиологическим [88, с. 120], а, по мнению других – аномальным [39, с. 80];
- физиологический, то есть эмоциональная вспышка высокой степени [35, с. 38].

В целом, следует согласиться с Ю.А. Власовым, который аффект определяет как эмоциональное состояние, которое может проявиться у любого человека в случае возникновения конфликтных ситуаций [14, с. 23].

В уголовно-правовом аспекте аффект подразделяют на физиологический и патологический. Физиологический аффект – это вспышка высокой степени, выступающая смягчающим обстоятельством. Патологический аффект – это временное болезненное расстройство психики, лицо является невменяемым.

В науке возникает вопрос по поводу соотнесения состояния аффекта и невменяемости. Вменяемость лица не исключается при физиологическом аффекте, который не является временным болезненным расстройством психики. Поэтому, такое лицо является вменяемым. Состояние аффекта – это особое промежуточное психическое состояние, находясь в котором лицо отдает неполный отчет в своих действиях, способность руководить своими поступками значительно ослабевает. В научной литературе данное состояние называется ограниченной вменяемостью.

По данному поводу интересен следующий пример из судебной практики.

Так, Мазов В.В. обвинялся в том, что он в состоянии аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией в связи с систематическим применением физического насилия со стороны своего сына с целью убийства последнего умышленно нанес спящему сыну несколько ударов обухом топора (не менее 6-ти) в область головы и шеи. В результате

причинения ранений, не совместимых с жизнью, то есть потерпевший скончался.

Суд первой инстанции сделал вывод о совершении Мазовым В.В. общественно опасного деяния в состоянии невменяемости вопреки фактическим обстоятельствам дела. По заключению судебной стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы Мазов В.В. страдал психическим расстройством в форме органического непсихотического расстройства смешанного генеза, осложненного синдромом зависимости от алкоголя средней стадии, имевшее место задолго до инкриминируемого обвиняемому деяния. Указанное психическое расстройство Мазова В.В. на момент производства экспертизы не лишает его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Мазов В.В., находившийся в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии простого (непатологического) опьянения, также страдал обозначенным выше психическим расстройством и находился, учитывая ответы эксперта-психолога, в состоянии кумулятивного аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, созданной противоправным поведением погибшего сына.

Вместе с тем, эксперт-психиатр, отвечая утвердительно об установленном у Мазова В.В. обозначенного выше психического расстройства на момент совершения инкриминируемого ему деяния не дал ответа на входивший в его компетенцию вопрос: мог ли Мазов В.В. на момент совершения инкриминируемого ему деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Эксперт-психолог сделал конкретный вывод по интересовавшему следствие указанному вопросу и дал утвердительный ответ о том, что Мазов В.В., несмотря на состояние алкогольного опьянения, находился в состоянии кумулятивного аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, созданной противоправным поведением погибшего сына. Эксперт-

психолог не утверждает, что состояние аффекта в данном случае достигло такой степени, которое лишало Мазова В.В. возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Таким образом, у Мазова В.В. было установлено психическое расстройство, не исключающее вменяемость.

Суд первой инстанции недостаточно полно изучил заключение судебной стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении Мазова В.В., в котором экспертом-психиатром при изложении выводов была допущена противоречивость. Эксперт-психиатр фактически приравнял состояние аффекта к состоянию, которое лишало его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [7].

Не любая психотравмирующая ситуация можно привести к аффекту. Например, в момент совершения преступления Г.Н. находился в состоянии повышенной эмоциональной напряженности, возникшем в условиях субъективно значимой психотравмирующей ситуации, что в сочетании с индивидуально-психологическими особенностями Г.Н. привело к аффективно обусловленной дезорганизации деятельности, но указанное состояние не носило характера аффекта, в том числе кумулятивного, не достигло характерной для него глубины выраженности эмоциональных реакций, изменения сознания и восприятия, нарушений регуляции деятельности. Однако обнаруженные у него акцентуированные личностные черты ограничивали его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими (ч. 1 ст. 22 УК РФ), что не исключает вменяемости. Таким образом, был сделан вывод об отсутствии аффекта у Г.Н [25].

В судебной практике отсутствует конкретное понимание «психотравмирующей ситуации», возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего». Законодатель

не внес достаточной ясности в данный вопрос, а Пленум Верховного Суда РФ не дал по нему какого-либо разъяснения.

По данному вопросу интересен следующий пример из судебной практики.

Медведев С.А., став очевидцем внезапно возникшей драки его отца - с соседом, спровоцированной последним, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, в ходе которой, ФИО1 и ФИО2 нанесли друг другу обоюдные удары, после чего ФИО1, высказывая угрозы расправой в отношении него (Медведева С.А.) и членов его семьи, желая продолжить конфликт, позвал на помощь, пояснив, что его избили соседи, в холл общего коридора 10 этажа своих братьев, также находящихся в состоянии алкогольного опьянения, а еще и в состоянии наркотического опьянения, испугавшись за жизнь и здоровье своего отца, желая помочь ему, сам подвергся избиению со стороны потерпевших.

Согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, у Медведева С.А. возник в период, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния, и сохраняется в настоящее время посткоммоционный (постконтузионный) синдром. В момент совершения инкриминируемого деяния Медведев С.А. находился в состоянии физиологического аффекта. Об этом свидетельствует характерная трехфазная динамика. В исследуемой ситуации действия Медведева С.А. возникли в ответ на экстремальное психотравмирующее воздействие, которое расценивалось обвиняемым как «субъективно неожиданное», со стороны потерпевших и носили сверхинтенсивный характер с мгновенной мобилизацией энергетических ресурсов. Восприятие агрессивных действий со стороны потерпевших, в частности, многочисленные удары по голове, воспринимались Медведевым С.А. как реальная угроза для жизни и обусловило эмоциональное возбуждение, достигшее степени физиологического аффекта – «помню, что они начали избивать кулаками с криками – «мы вас сделаем, мы вас кончим», почувствовал какой-то страх, который описать не могу, это не на что не

похоже, какой-то животный ужас, последнее, что помню, это удары по голове ногами, дальше в глазах потемнело». На фоне ощущения субъективной безвыходности отмечались резкие изменения психической деятельности взрывного характера с острым переживанием чувства страха и мобилизацией ресурсов для сохранения жизни здоровья. На высоте совершения инкриминируемых действий у Медведева С.А. отмечалось ограничение свободы выбора, снижение способности смысловой и социально-нормативной регуляции своего поведения, отсутствие прогноза отдаленных последствий совершаемого – «дальше в глазах потемнело, все исчезло, очнулся в своей квартире». В дальнейшем отмечалось выраженное психическое истощение. Таким образом, в момент совершения правонарушения Медведев С.А. находился в состоянии физиологического аффекта, возникшего в ответ на витальную угрозу (угрозу жизни) со специфической для него феноменологией изменений сознания и восприятия, последующей постаффектной астенией.

Суд признал Медведева С.А. субъектом вмененного ему преступления, считая, что в момент его совершения подсудимый был вменяем. При этом, суд установил, что действия Медведева С.А., направленные на причинение смерти трем лицам, были спровоцированы поведением потерпевших, которое носило опасный для жизни и здоровья Медведева С.А. и его семьи характер, потерпевшие избивали подсудимого и его отца. По убеждению суда у Медведева С.А. возникло чувство безысходности, страха, что спровоцировало эмоциональный взрыв. Медведев С.А. смутно помнит, как он наносил удары потерпевшим и что сразу после этого делал, что свидетельствует о сужении сознания. Приходил в себя спустя день-два был в полусонном состоянии. Указанные выше факторы свидетельствуют об истощении сознания, вялости, плохом понимании произошедшего и происходящего. Все указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что в момент совершения преступлений, Медведев С.А. находился в состоянии физиологического аффекта (внезапно возникшее сильное душевное волнение, вызванное насилием со стороны потерпевших и иными противоправными и

аморальными действиями потерпевших). Указанные выводы суда о физиологическом аффекте подтверждаются и заключением судебно-психиатрической экспертизы [79].

В приведенном примере следует обратить внимание на то, что угрозы высказывались в адрес осужденного и членов его семьи. При этом уголовный закон в ст. 107 и ст. 113 УК РФ не указывает на то, в отношении кого могут совершаться противоправные действия, вызвавшие состояние аффекта. Возникает вопрос о возможности аффекта, если лицо явилось свидетелем таких действий со стороны потерпевшего в отношении посторонних для него лиц. Если исходить из диспозиции статей 107 и 113 УК РФ, то логично предположить, что аффект возможен и в том случае, когда противоправные действия совершаются в отношении посторонних для виновного лиц. Однако, вызывает сомнение, что состояние аффекта, которое может вызваться только сильными эмоциями, задеть которые оскорбительным либо унижительным поведением в отношении постороннего человека. Представляется, что аффект может быть вызван противоправным или аморальным поведением как в отношении виновного, так и в отношении его близких, что целесообразно закрепить в диспозициях статей 107 и 113 УК РФ, дополнив фразой «в отношении виновного или его близких».

Следует разграничивать убийство в состоянии аффекта и с убийством матерью новорожденного ребенка, поскольку для данных составов преступлений характерно определенное сходство – некая психотравмирующая ситуация, которая привела к возникновению определенного состояния у субъекта преступления. Основным отличием выступает причина психотравмирующей ситуации. Так, в случае, когда имеет место убийство, совершенное в состоянии аффекта, она вызывается действиями потерпевшего, в случае же убийства матерью новорожденного ребенка такая ситуация возникает вследствие тяжелых жизненных обстоятельств, состоянием женщины после родов, с поведением же потерпевшего – новорожденного – она никак не связана [49, с. 131].

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, имеет в своем составе конструктивный признак, указывающий на особое психическое состояние виновного, именуемое в диспозиции ст. 107 УК РФ как «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», что не соответствует психолого-психиатрическому термину «аффект». Поскольку законодатель в названии ст. 107 УК РФ и в ее диспозиции не указал на то, о каком психологическом состоянии идет здесь речь: то ли о «внезапно возникшем сильном душевном волнении» — понятии, включающем, по мнению психологов, простое «состояние эмоциональной (психической) напряженности» и состояние аффекта; то ли о любом виде «аффекта», включая и «патологический», — Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 1 [75] указал на необходимость проведения психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы по каждому делу об убийстве, где у суда есть сомнение или, наоборот, какая-то доля уверенности в том, что виновный в момент совершения убийства и при возникновении умысла на его совершение находился в состоянии физиологического или психологического аффекта. Такая экспертиза также должна установить непосредственную связь возникшего у виновного аффективного состояния с указанным в ст. 107 УК РФ психотравмирующим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Однако, в следственной и судебной практике имеют место случаи, когда действия лица квалифицируются как совершенные в состоянии аффекта без производства соответствующих судебных экспертиз. По мнению автора настоящей работы, это категорически недопустимо. Следователь должен четко осознавать, что лицо может умышленно сообщать о том, что совершил убийство в состоянии аффекта, приводя при этом различные аргументы типа «помутнело в глазах», «себя не помню», желая смягчить свою участь и понести наказание не за обычное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) или убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ), а за привилегированное, санкция которого гораздо ниже.

Выводы по второй главе выпускной квалификационной работе.

Во-первых, вменяемость лица с психическими расстройствами или без таковых по отношению к уголовной ответственности юридически равнозначны, так как субъект в обоих случаях подлежит уголовной ответственности. Неодинаковой в данных случаях является способность действовать осознанно и руководить своими действиями. Предложено в ч. 2 ст. 22 УК РФ закрепить положение о том, что при назначении наказания должно учитываться психическое расстройство, в силу которого лицо, во время совершения преступления, не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Во-вторых, вменяемым признается лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения. Одной из основных проблем уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, является отсутствие единообразного понятия состояния опьянения. Сформулировано авторское определение состояния опьянения и предложено ст. 23 УК РФ дополнить примечанием, в котором закрепить легальное определение состояния опьянения. Автор поддерживает предложение ученых в ст. 23 УК РФ дифференцировать правовые последствия при совершении общественно опасного деяния в состоянии патологического опьянения, ориентируя правоприменителя на применение ч. 2 ст. 21 УК РФ, что позволит решить вопрос разграничения патологического опьянения и тяжелой степени физиологического опьянения, не исключающего вменяемость.

В-третьих, в статьях 106, 107 и 113 УК РФ законодатель выделил привилегирующие (смягчающие) признаки преступлений: психотравмирующая ситуация и состояние аффекта. Основой вопрос, возникающий при определении вменяемости и при квалификации действий виновной по ст. 106 УК РФ, состоит в том, что законодатель не употребляет союз «и» даже в сочетании с союзом («или»), поскольку именно «психотравмирующая ситуация» должна вызывать (и вызывает) «состояние

психического расстройства», являющееся субъективным основанием для того, чтобы совершенное указанным в ст. 106 УК РФ лицом убийство могло признаваться совершенным при смягчающих обстоятельствах. Оценочный характер таких указанных в ст. 106 УК РФ понятий, как: «психотравмирующая ситуация»; «психическое состояние, не исключающее вменяемости»; «новорожденный ребенок», – требует разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в отдельном постановлении. Поскольку правильное определение указанных терминов требует специальных медицинских, психологических и психиатрических знаний, Пленум должен указать судам на необходимость проведения по каждому из преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, комплексной судебно-психологической и психиатрической экспертизы.

Уголовный закон в ст. 107 и 113 УК РФ не указывает на то, в отношении кого могут совершаться противоправные действия, вызвавшие состояние аффекта. Представляется, что аффект может быть вызван противоправным или аморальным поведением, как в отношении виновного, так и в отношении его близких, что целесообразно закрепить в диспозициях статей 107 и 113 УК РФ, дополнив фразой «в отношении виновного или его близких».

Заключение

В заключительной части настоящей работы, необходимо подвести итоги проведенному исследованию.

Во-первых, субъект преступления - обязательный элемент состава преступления, характеризующий лицо в связи с совершенным им общественно опасным деянием, которые вне данного деяния не имеют значения. Общий субъект преступления характеризуется тремя признаками: физическое лицо, вменяемость и возраст уголовной ответственности.

Отдельное внимание уделено было возрасту уголовной ответственности и ч. 2 ст. 20 УК РФ. Отмечено, что включение в ч. 2 ст. 20 УК РФ ст. 277 УК РФ не совсем правильно, так как не учитывает способность несовершеннолетнего осознавать сущность основного объекта посягательства. Кроме того, законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности только для умышленных преступлений, то есть за неосторожные преступления возраст уголовной ответственности не снижен. Однако ч. 4 ст. 111 УК РФ – это преступление с двумя формами вины в котором по отношению к смерти потерпевшего, вина неосторожная. Представляется, что данный вопрос также нуждается в соответствующем законодательном решении.

Заслуживает поддержки предложение ученых об установление верхней возрастной границы, позволяющей определить возможность лица нести уголовную ответственность. Предложено закрепить в уголовно-процессуальном законе обязательность проведения психолого-психиатрической экспертизы в отношении лиц, совершивших преступление и достигших 70 лет для решения вопроса о наличии у них возрастных изменений, снижающих их способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. При выявлении соответствующих возрастных изменений, не

связанных с психическим расстройством, такие обстоятельства должны признаваться, смягчающими наказание.

Во-вторых, действующий УК РФ, называя вменяемость в качестве одного из признаков субъекта преступления, само понятие вменяемости не раскрывает. В доктрине ученые исходят из того, что категория «вменяемость» является противоположной категории «невменяемость». Названные категории используются для обеспечения уголовной ответственности и наказания лиц, способных нести ответственность. Однако, если вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, то невменяемость – это отсутствие субъекта преступления. В связи с чем, недопустимо выводить понятие вменяемости из невменяемости. Представляется, что юридическая природа вменяемости не исключает многогранность ее содержания, раскрываемое совокупностью ее критериев, которых традиционно выделяют два: юридический и медицинский. Важное значение имеет медицинский критерий вменяемости, который сам по себе не свидетельствует о вменяемости или невменяемости лица. Данный критерий должен рассматриваться в совокупности с юридическим критерием, в сочетании с которым образуется конструкция вменяемости. Не стоит отрицать базисный характер медицинского критерия по отношению к юридическому, так как именно он (медицинский критерий) определяет интеллектуальные и волевые моменты второго (юридического критерия).

Проведенный анализ основных подходов к понятию и критериям вменяемости, позволил сделать вывод о том, что данный признак субъекта преступления означает осознанность лицом фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) и находящегося в психическом состоянии, не исключающем его сознательно-волевые способности. Предложено дополнить УК РФ самостоятельной статьей, в которой закрепить понятие вменяемости.

В-третьих, вменяемость лица с психическими расстройствами или без таковых по отношению к уголовной ответственности юридически

равнозначны, так как субъект в обоих случаях подлежит уголовной ответственности. Неодинаковой в данных случаях является способность действовать осознанно и руководить своими действиями. Поэтому, законодатель в ст. 22 УК РФ указал на необходимость учитывать психическое расстройство при назначении наказания. Предложено ч. 2 ст. 22 УК РФ изложить в следующей редакции: «2. Психическое расстройство, в силу которого вменяемое лицо, во время совершения преступления не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.».

В-четвертых, вменяемым признается лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения. Одной из основных проблем уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, является отсутствие единообразного понятия состояния опьянения.

Предложено состояние опьянения понимать как состояние, обусловленное употреблением алкоголя, наркотических, психотропных, психоактивных, иных одурманивающих веществ, их аналогов, оказывающее существенное влияние на характер и степень общественной опасности совершенного деяния.

Представляется, что ст. 23 УК РФ целесообразно дополнить примечанием, в котором закрепить легальное определение состояния опьянения.

Автор поддерживает предложение ученых в ст. 23 УК РФ дифференцировать правовые последствия при совершении общественно опасного деяния в состоянии патологического опьянения, ориентируя правоприменителя на применение ч. 2 ст. 21 УК РФ, что позволит решить вопрос разграничения патологического опьянения и тяжелой степени физиологического опьянения, не исключающего вменяемость.

В-пятых, в статьях 106, 107 и 113 УК РФ законодатель выделил привилегирующие (смягчающие) признаки преступлений: психотравмирующая ситуация и состояние аффекта. Основой вопрос, возникающий при определении вменяемости и при квалификации действий виновной по ст. 106 УК РФ, состоит в том, что законодатель не употребляет союз «и» даже в сочетании с союзом («или»), поскольку именно «психотравмирующая ситуация» должна вызывать (и вызывает) «состояние психического расстройства», являющееся субъективным основанием для того, чтобы совершенное указанным в ст. 106 УК РФ лицом убийство могло признаваться совершенным при смягчающих обстоятельствах. Оценочный характер таких указанных в ст. 106 УК РФ понятий, как: «психотравмирующая ситуация»; «психическое состояние, не исключающее вменяемости»; «новорожденный ребенок», – требует разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в отдельном постановлении. Поскольку правильное определение указанных терминов требует специальных медицинских, психологических и психиатрических знаний, Пленум должен указать судам на необходимость проведения по каждому из преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, комплексной судебно-психологической и психиатрической экспертизы.

Уголовный закон в ст. 107 и 113 УК РФ не указывает на то, в отношении кого могут совершаться противоправные действия, вызвавшие состояние аффекта. Представляется, что аффект может быть вызван противоправным или аморальным поведением, как в отношении виновного, так и в отношении его близких, что целесообразно закрепить в диспозициях статей 107 и 113 УК РФ, дополнив фразой «в отношении виновного или его близких».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Антонова Е.Ю. Субъект преступления: учебное пособие. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2023. 90 с.
2. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: компаративный анализ законодательной регламентации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 1 (66). С. 41-49.
3. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. 208 с.
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 22.12.2021 г. № 22-1960/2021 (УИД 13RS0019-01-2021-001514-28) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.01.2018 г. № 22-298/2018 по делу № 1-288/2017 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.11.2017 г. № 48-АПУ17-21 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
7. Апелляционное постановление Верховного Суда Республика Карелия № 22-1009/2020 от 20.08.2020 г. по делу № 1-553/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 01.08.2025).
8. Арзуманян А.А. Уголовно-правовые проблемы лиц, подлежащих уголовной ответственности: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 30 с.
9. Барсукова О. В. Старческая преступность и преступления против пожилого возраста (криминологические и уголовно-правовые проблемы): Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 33 с.

10. Беличенко Р.В. Уголовно-правовая оценка биологического критерия вменяемости: теория и правоприменение: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. 23 с.
11. Белоцерковский С.Д. Уголовная ответственность юридических лиц и оптимизация борьбы с организованной преступностью // Право и экономика. 2017. № 11. С. 71 – 75.
12. Вандыш-Бубко В.В. Ограниченная вменяемость: принципы судебно-психиатрической оценки // Медицинская и судебная психология: курс лекций / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафанова. М.: Генезис, 2004. 606 с.
13. Васильев В.В. Понятие о вменяемости и невменяемости, дееспособности и недееспособности вменяемость и невменяемость // Научно-практический подход. 2025. № 1. С. 76-79.
14. Власов Ю.А. Понятие физиологического аффекта в уголовном праве // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 23 - 26.
15. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: Закон, теория, практика. М.: АО «Центрн ЮрИнфоР», 2003. 448 с.
16. Глазатова С.В., Бурцева Е.В., Медведева С.В. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: проблемы расследования // Российский следователь. 2021. № 2. С. 7 - 10.
17. Головкин Л.В. Дежавю, или Очередная порция доводов в пользу уголовной ответственности юридических лиц // Закон. 2017. № 8. С. 105 - 114.
18. Дайшутов М.М., Динека В.И. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 128-132.
19. Долгополов К. А., Семенцова И. А. Об обязательности учета психического расстройства, не исключающего вменяемости подсудимого, при назначении наказания и применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 147–151.

20. Дунаевский В.В., Стяжкин В.Д. Наркомании и токсикомании. Л., 1991. 206 с.
21. Житков А.А. К вопросу о понятии вменяемости в уголовном праве // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 3 (23). С. 142-147.
22. Жуковский В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 165 с.
23. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 08.10.2007 г. № 2.2-1/3922 «По проекту Федерального закона № 441177-4 «О внесении изменений в статьи 60 и 223 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
24. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 г. № 77-926/2023 (УИД 77RS0025-02-2021-013298-53) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
25. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2024 г. по делу № 77-1227/2024 (УИД 77RS0020-02-2022-016870-94) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
26. Кассационное определение Кассационного военного суда от 03.02.2023 г. № 77-42/2023 (УИД 75GV0002-01-2022-000044-73) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
27. Кассационное определение Кассационного военного суда от 15.06.2022 г. № 77-253/2022 (УИД 75GV0001-01-2020-000407-72) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
28. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2021 г. № 77-1892/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
29. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2024 г. по делу № 77-3229/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

30. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2025 г. по делу № 77-779/2025 (УИД 34RS0001-01-2024-001323-11) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

31. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 г. по делу № 77-613/2023 (УИД 34RS0004-01-2021-007025-61) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

32. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2025 г. № 77-140/2025 (УИД 62RS0002-01-2024-002723-05) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

33. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2024 г. № 77-2510/2024 (УИД 67MS0015-01-2023-002512-76) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

34. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.03.2025 г. № 77-483/2025 (УИД 78RS0017-01-2024-000974-80) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

35. Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Напханенко И.П., Попандопуло Д.В. Понятие и виды аффектов // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 35-42.

36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 3-е изд., доп. и изм. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2000. 896 с.

37. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. В. Бородин и др.; отв. ред. А. В. Наумов. М.: Юристъ, 1999. 863 с.

38. Костык А.Д., Новиков В.Э., Корнилов А.А., Вишневская Э.С. Применение понятия «уменьшенная вменяемость» в экспертной практике (обзор отечественной судебно-психиатрической литературы и анализ клинических случаев) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2005. № 1 (35). С. 78-83.

39. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С. Нарушения поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психологические механизмы и

правовые аспекты профилактики // Психологический журнал. 1986. № 5. С. 80-84.

40. Курсаев А.В. Подходы судов к оценке совершения преступления в состоянии опьянения как обстоятельства, отягчающего или смягчающего наказание // Уголовное право. 2023. № 6. С. 25 - 38.

41. Липатова А. С. Проблема уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, в российском законодательстве // Итоги научно-исследовательской деятельности 2017: изобретения, методики, инновации: материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25 декабря 2017 г.). М. : Олимп, 2017. С. 382–383.

42. Любавина М.А. Субъект преступления: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. 60 с.

43. Мендельсон Г.А., Ткачевский Ю.М. Алкоголизм и преступность. М., 1959. 240 с.

44. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

45. Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток, 1992. С. 288 с.

46. Молчанов Б.А., Кули-Заде Т.А. Научные подходы к проблеме вменяемости и невменяемости и развитие уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 28-31.

47. Молчанов Б.А., Кули-Заде Т.А. Проблемы вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости при формировании уголовного законодательства России 20-30-х годов XX века // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 20-24.

48. Мороз Д.Г. Вменяемость как признак субъекта преступления в уголовном кодексе Республики Беларусь // Право.by. 2017. № 4 (48). С. 88-93.

49. Мосунова А.Г. Проблемы разграничения убийства матерью новорожденного ребенка со смежными составами преступлений // Вопросы науки и образования. 2017. № 10 (11). С. 131-135.

50. Назаренко Г.В., Ситникова А.И., Байбарин А.А. Субъект преступления в отечественном уголовном праве: монография. М., 2017. 232 с.

51. Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. М. : Ось-89, 2009. 240 с.

52. Общая часть уголовного права, составленная студентами по лекциям, читанным в Императорском Московском университете в 1896-97 акад. году. М., 1897. 260 с.

53. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 53 000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2007. 640 с.

54. Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 г. № 492-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворецкого Юрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 22 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

55. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. № 1969-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

56. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 г. № 77-433/2022 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

57. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2021 г. № 77-1750/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

58. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2024 г. № 77-2804/2024 (УИД 48RS0010-01-2023-000283-57) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

59. Орешкина Т.Ю. Учет психофизиологического состояния лица при назначении ему наказания // Уголовное право. 2017. № 6. С. 40 - 46.

60. Павлов В.Г. Субъект преступления: История, теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 405 с.

61. Пенитенциарный кодекс Эстонии (принят 06.06.2001; по сост. на 31.05.2021). URL: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/penitenciarnyy-kodeks>. (дата обращения: 10.02.2025).

62. Петин И.А. Соотношение невменяемости и вменяемости в уголовном праве // Адвокатская практика. 2009. № 5. С. 27 - 30.

63. Петров М.И. Комментарий к Федеральному закону от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2010. 224 с.

64. Подольный Н.А. Понятие «аффект» в уголовном праве // Государство и право. 2003. № 4. С. 64-68.

65. Полубинская С.В., Галюкова М.И. Уголовно наказуемый вред психическому здоровью: содержание и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 115-130.

66. Порайко В.В. Уголовно-релевантные психоэмоциональные состояния личности: проблемы учета при назначении наказания // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 131-142.

67. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.12.2023 г. № 77-3593/2023 (УИД 77MS0141-01-2022-000503-32) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

68. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

69. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // СЗ РФ. 2024. № 4. Ст. 591.

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // ВКС РФ. 2007. № 6.

72. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2024 г. № 77-1345/2024 (УИД 71RS0019-01-2023-000630-98) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // БВС РФ. 2011. № 4.

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // БВС РФ. 2016. № 2.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // БВС РФ. 1999. № 3.

76. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 27.03.2025) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // Российские вести. 1993. 23 ноября. № 227.

77. Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 20.01.2016 г. по делу № 44у-25/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

78. Приговор Забайкальского краевого суда от 02.11.2023 г. по делу № 2-25/2023 (УИД 75OS0000-01-2023-000308-56) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

79. Приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы от 16.06.2021 г. по уголовному делу № 01-0023/2021 (01-0417/2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/criminal/details/91e1d25d-321f-45cd-ab05-0fac2350f7b9?codex=107&formType=fullForm> (дата обращения: 15.02.2025).

80. Приговор Нагатинского районного суд г. Москвы от 27.06.2023 г. по уголовному дел № 1-388/2023 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/nagatinskij/services/cases/criminal/details/64f68450-c728-11ed-b1f8-0b58315c013b?codex=106&formType=fullForm> (дата обращения: 15.02.2025).

81. Приговор Пермского краевого суда от 17.12.2015 г. по делу № 2-42/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

82. Приговор Пермского краевого суда от 23.05.2023 г. по делу № 2-9/2023 (УИД 59OS0000-01-2023-000041-93) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

83. Приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 13.07.2021 г. по уголовному делу № 1-393/2021. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/search> (дата обращения: 15.02.2025).

84. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1976. 720 с.

85. Русское уголовное право: пособие к лекциям ординарного профессора С. Петербургского Императорского Университета Н.Д. Сергиевского. Часть общая. Изд. третье. СПб., 1896. С. 222-223.

86. Сербский В.П. Законодательство о душевных болезнях // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т. 5. 1905. 846 с.

87. Серебренникова А.В. Понятие вменяемости - невменяемости: уголовно-правовые аспекты // В сборнике: Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы. Научно-практическая конференция. Сборник материалов. Под редакцией Г.П. Костюка. 2018. С. 510-513.

88. Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. М., 2001. 270 с.

89. Ситковская О.Д. Значение психологических знаний для решения вопросов об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами в рамках вменяемости // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 72-78.

90. Ситковская О.Д. Проблема верхней возрастной границы уголовной ответственности // Особенности развития уголовной политики в современных условиях. М., 1996. С. 81-86.

91. Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий (постатейный) / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2009. 192 с.

92. Соловьева Н. Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Законность. 2006. № 8.

93. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/67755056/> (дата обращения: 16.08.2025).

94. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/67755056/> (дата обращения: 16.08.2025).

95. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 412 с.

96. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. К определению понятия «вменяемость» в уголовном праве // Государство и право. 2008. № 6. С. 27-32.

97. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб. : Тип. Иосафата Огрызко, 1863. Т. 1. Вып. 1.

98. Справка по результатам обобщения судебной практики по соблюдению мировыми судьями, районными, городскими судами Самарской области положений статей 6 и 60 УК РФ при назначении наказания осужденным (подготовлена Самарским областным судом 21.07.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

99. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. М. : Наука, 1994. 670 с.

100. Тимофеев Н.Н., Тимофеев Л.Н. Содержание и объем работы эксперта-психиатра // Правоведение. 1971. № 5. С. 82-84.

101. Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от невменяемости и ограниченной вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 195 с.

102. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. - М. : КОНТРАКТ, 2017. 384 с.

103. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. - М. : КОНТРАКТ, 2017. 384 с.

104. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Статут, 2009. 751 с.
105. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М. : Проспект, 2022. 946 с.
106. Уголовное право Российской Федерации / Под ред. Б.В. Здравомыслова. - М., 2001. 580 с.
107. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. учеб. для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенковой. - М. : Статут, 2012. 720 с.
108. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М. : Статут, 2012. 677 с.
109. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV // Информационная система Континент. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 10.02.2025).
110. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII) // Информационная система Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&pos=522;-45#pos=522;-45 (дата обращения: 10.02.2025).
111. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
112. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
113. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.07.1997 № 222-I // Информационная система Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 10.02.2025).

114. Уложения о наказаниях 1845 года // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М. : Юридическая литература, 1988. 193 с.
115. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
116. Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
117. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
118. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.
119. Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / Отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. - М. : Статут, 2022. 350 с.
120. Чашин А.Н. Теория государства и права. М. : Дело и Сервис, 2008. 688 с.
121. Яшин А.В. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности и назначения наказания в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 2 (62). С. 152-158.